

4. *Змеев И.* Нижне-Сергинский завод // Пермские губернские ведомости. 1866. № 8.
5. *Зырянов А. Н.* Путевые заметки от Каменского завода до г. Перми, составленные в 1853 году // Пермские губернские ведомости. 1856. № 11.
6. *Зырянов А. Н.* Путевые заметки от Каменского завода до г. Перми, составленные в 1853 году // Пермские губернские ведомости. 1856. № 12.
7. *Зырянов А. Н.* Мурзинская гора // Пермские губернские ведомости. 1860. № 9.
8. *Зырянов А. Н.* Заметки о пребывании в Зауралье Государя императора Александра Павловича в 1824 г. // Пермские губернские ведомости. 1866. № 12.
9. *Кустов В. А.* Фольклорно-этнографические материалы в газете «Пермские губернские ведомости» 1870-х гг. // Ученые записки Пермского педагогического института. Сер. Фольклор и литература Урала. 1971 : материалы науч. конф., тез. докл. С. 136–138.
10. *[Б. н.]*. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря // Пермские губернские ведомости. 1858. № 3.
11. *[Б. н.]*. Последствия суеверия // Пермские губернские ведомости. 1857. № 16.
12. *Теплоухов А.* Хозяйственное описание Чердынского уезда. Окрестные горы и предания о них // Пермские губернские ведомости. 1856. № 3.

З. С. Антипина (Пермь)

Путевые записки в региональной печати середины XIX в.: между наукой и литературой. Путевые заметки Н. П. Вагнера в «Пермском сборнике»*

Путевая литература во второй половине XIX в. стала одной из самых популярных в провинциальных изданиях. Местные «Епархиальные ведомости» публиковали паломнические путешествия и отчеты о ревизионных и миссионерских поездках священнослужителей. Издания только

---

* Исследование подготовлено в рамках гранта РГНФ 15-14-59004 «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX в.».

что народившихся ученых обществ и губернских архивных комиссий печатали отчеты археологических и этнографических экспедиций. К путевой форме обращались и авторы «толстых» провинциальных сборников 1860-х гг.

«Пермский сборник» – повременное издание, подготовленное к печати в Перми и вышедшее в Москве в двух книжках в 1859 и в 1860 г. Идея издания принадлежала пермскому общественному деятелю Дмитрию Дмитриевичу Смышляеву. Он же выступил составителем и редактором «Пермского сборника». Обширные научные связи Смышляева позволили ему пригласить к участию в издании ученых, каким-либо образом связанных с Пермским краем.

Николай Петрович Вагнер (1829–1907), литературно одаренный ученый-зоолог, будущий автор «Сказок кота Мурлыки» и рассказов о животных, во время подготовки и выхода «Пермского сборника» преподавал в Казанском университете. Он родился и провел детство в Пермской губернии. Небольшой отчет о путешествии в село Ныроб, к месту ссылки боярина Михаила Романова, был написан им вскоре после поездки. Смышляев упоминает о «“Путевых заметках” Вагнера» в письме своему помощнику Николаю Алексеевичу Фирсову летом 1858 года [6, с. 102]. Очерк «От Чердыни до Ныроба (отрывок из путевых заметок 1857 года)» [2]¹ относится к числу самых ранних опубликованных беллетристических произведений Н. П. Вагнера. Профессиональная литературная деятельность профессора Казанского университета начнется только в 1870-е гг., а самые ранние рассказы в собраниях его произведений датируются второй половиной 1860-х гг.

Рассказу о поездке в Ныроб и месте заточения боярина Михаила Романова автор придал форму путевых записок. Это отражено в названии и подзаголовке произведения, прослеживается в структуре текста. Повествование имеет характерные для травелога элементы – автор указывает на цель поездки, называет дату отъезда (29 августа), описывает маршрут и конечный пункт, завершает рассказ датой возвращения (31 августа). Собственно путешествие составляет менее половины текста и описывает преимущественно передвижение героев в пространстве. Текст лишен ожидаемых от такого рода поездки авторских размышлений и переживаний, сколько-нибудь заметных этнографических наблюдений и исторических отсылок. Краткость поездки и фрагментарность, мимолетность впечатлений и описаний объясняют подзаголовок произведения – перед нами только «отрывок».

---

¹ Далее произведение цитируется по данному изданию с указанием страницы в скобках.

Расстояние от Чердыни до Ныроба, по словам автора, составляет 70 верст, его можно было преодолеть в течение летнего светового дня. Поэтому путешественники торопятся: «в Покче мы пробыли не более часа» [с. 1], «почти не останавливаясь мы проехали и <Вильгорт>» [с. 2]. Описания сёл коротки и сопровождаются только характеристикой местоположения и пересказом какого-либо исторического факта, традиции или предания. Иногда автор только мельком говорит о них: «Имела ли она (Покча. – З. А.), как и Чердынь, в былое время какое-либо значение – предание молчит, и только в одной песне есть ссылка, вероятно, на старинное ее происхождение» [с. 1]. Решение заночевать в Искоре дает автору возможность осмотреть единственные общедоступные хранилища истории – местные церкви. Но и здесь рассказывать словно не о чем: «К сожалению, расчеты на какие-нибудь исторические воспоминания, археологические находки оказались пустыми» [с. 2]. Даже найдя в церкви старинный образ, автор признается в затруднении: «Из старинных образов, кажется, древнее других явленный образ святой Параскевы, но – я не знаток иконописи – не мог решить, к которому веку он принадлежит» [с. 3]. Изучение края в поездке автору как будто не удается: «никаких подробностей об этом темном эпизоде истории Чердынского края я не мог добыть» [с. 3], «Кто прав – Берх или изузное предание – решать не берусь» [с. 3]. Автор никого не расспрашивает об истории края, описываемое им пространство почти безлюдно. В тексте нет других персонажей, портретов местных жителей, даже названный в начале спутник пропадает из повествования. В Ныробе, пребыванию в котором посвящена большая часть записок, путешественники целый день осматривают романовские места. Вагнер приводит подробное описание и рисунки ямы и кандалов Михаила Романова, связанных с именем опального боярина построк, напоминает читателю историю борьбы за российский трон, цитирует храмовые надписи. Однако и здесь признается: «Мне не удалось собрать в Ныробе никаких преданий, археологических находок; в церковных рукописях не нашлось также ничего замечательного» [с. 9]. Таким образом, название произведения отрывком служит здесь, скорее, оправданию содержательной неполноты и литературной неукорененности начинающего писателя².

Признания в бесплодности поиска историко-культурных ценностей выдают первоначальный авторский замысел – совершить путешествие

---

² Схожим образом трактуется номинация «отрывок» в прозе младшей русской эмиграции первой волны (см.: [3]). Фрагментарность в ранней лирике Ф. И. Тютчева, по замечанию Ю. Н. Тынянова, «ощущалась как внелитературный признак, как признак дилетантизма» [7, с. 184–185].

с целью разыскивания местных исторических и этнографических древностей и написать об этом путевые заметки. Выбор соответствующей жанровой рамки объясним популярностью путевой формы как в беллетристике, так и в научной литературе. Уже в первой трети XIX в. О. И. Сенковский использовал форму путевых ученых записок в пародийных «Фантастических путешествиях барона Брамбеуса». Журналы провинциальных ученых обществ, которые начали появляться в России со второй половины XIX в., часто публиковали научные отчеты в виде путевых записок. И сами научные занятия Вагнера не оставляют сомнений в том, что ему приходилось иметь дело с путевыми отчетами научных экспедиций. Привлекательность формы путешествия можно объяснить не только богатой литературной традицией, но и тем, что она помогает структурировать текст, позволяет совмещать в нем различные стилевые пласты (включать элементы научной речи, беллетристические описания, социально-бытовые зарисовки, публицистические высказывания и проч.). Удобство путешествия как повествовательного приема, «идею свободы» как одну из основных характеристик жанра подчеркивал В. М. Гуминский [4, с. 314; 5].

Художественность путевых заметок Вагнера проявилась в пейзажных описаниях. Картины природы представляют здесь образец традиционной образности общепозитивской системы, с панорамными видами и олицетворением: «С высокого увала, подмываемого Колвой, на которой стоит Чердынь, далеко виднеется почти болотистая равнина, поросшая лесами. Болота и леса составляют раму города с северной стороны. На самом краю все это широкое пространство хвой и березнику опоясано грядами синеющих гор. Ближе и выше всех их, отдельным великаном, поднимается Полюдов камень. Перед ясной, вёдреной погодой он, как верный барометр, предскажет ее: снимет шапку из серых облаков и как будто ближе придвинется к городу, так что 25 верст прямого пути к нему превратятся как бы в сажени. ... В ясное осеннее время и на нем ясно обозначаются лощины и леса — одни желтеют, как поздние нивы, другие синеют волнистыми пятнами. Резко очерчивается тогда его вершина и яркими пятнами белеют на ее скатах натающие льды и снега» [с. [б. н].

Ряд особенностей текста говорит о научных занятиях автора и стремлении точно зафиксировать сведения, ради которых совершена поездка. Это рисунки часовни на месте заточения М. Н. Романова, ямы и кандалов узника, указание на их размеры и вес [с. 1], цитаты из известного исторического труда В. П. Берха «Путешествие в Чердынь

и Соликамск» [с. 5] (см.: [1]). А также научная точность и терминология в описании леса: «пихта, да редкий сосняк, ель, изредка мелкая, редкая береза шли по бокам дороги, составляя ее закраины. В этом краю, в особенности осенью, уже чувствуется приближение полярных стран, почти безлесных, болотистых тундр, немых пустырей. Небо бледно, холодно, в лесу мертвая тишина, все деревья становятся вообще ниже, сосны, в особенности, на мокрых местах как бы растут в землю: низкий, толстый *штамб* и приземистая вершина – шапкой. Береза также теряет стройность, *штамб* ветвится, растет изгибами; попадаетесь довольно много чисто северной кустарной березы (*Betula nana*)» [с. 1].

Настолько же точные и выразительные описания пейзажа и природных явлений будут характерны для научно-популярных рассказов Николая Петровича Вагнера, которые составят его популярность у читателя конца XIX – начала XX в. Небольшие путевые заметки, заботливо приобретенные для «Пермского сборника» Д. Д. Смышляевым, показывают, как в ранний период творчества писателя-ученого проявляется талант наблюдателя и уважение к природному миру.

Список литературы

1. Берх В. П. Путешествие в города Чердынь и Соликамск: для изыскания исторических древностей. СПб. : Тип. Главного штаба его императорского величества, 1821. 234 с.
2. Вагнер Н. От Чердыни до Ныроба (отрывок из путевых заметок 1857 года) // Пермский сборник. Кн. II. М. : Тип. Грачева и комп., 1860. Отд. IV. С. [б. н]–9.
3. Гордиенко А. М. Жанровая форма «отрывка» в прозе русской эмиграции первой волны // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. 1. С. 238–242.
4. Гуминский В. М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Сов. энцикл., 1987.
5. Гуминский В. М. Открытия мира, или путешествия и странники. М. : Современник, 1989. 284 с.
6. Письма Д. Д. Смышляева Н. А. Фирсову 1858–1893 гг. // Смышляевский сборник. Исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. 3 / Центр. город. б-ка им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева) ; сост. и ред. Т. И. Быстрых. Пермь : МУК ОМБ, 2011. С. 90–153.
7. Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Пушкин и его современники. [М.] : [Наука], 1969. С. 166–192.